

Клуб «КО»

БИБЛИОФИЛ

История русской литературы богата событиями самыми разнообразными — среди них и забавные эпизоды литературных мистификаций. «Разыгрывались» они по-разному. Бывало так, что известный писатель ставил под своим произведением чужое имя. В ожидаемом ответе редакции, куда за подписью и от имени новоявленного автора высылались рукописи, и заключался комический эффект мистификаций такого рода. Инициатором одной из них стал молодой Лев Толстой.

Среди обитателей яснополянского дома некая Н. П. Охотницкая была, как пишет С. Л. Толстой в книге «Очерки былого», «болтлива и рассказывала необыкновенные, но неинтересные истории из

жизни помещиков, офицеров и монастырей». «...Отец, — вспоминает Сергей Львович, — написал рассказ «Сон», подписал его «Н. О.» и послал И. С. Аксакову в редакцию газеты «День» от имени Натальи Петровны Охотницкой. Аксаков ответил г-же Охотницкой, что «для первого литературного опыта слог... недурен, но сила вся не в слог, а в содержании» и по-

бины де Габриак». Кто же была поэтесса эта со столь необычным именем? «Родилась» она в Коктебеле, в волошинском доме, где гостила школьная учительница Елизавета Дмитриева, пишущая экзотические стихи. По инициативе Волошина и придумана была Черубина де Габриак — «Француженка с итальянским именем, либо итальянка с французской фа-

СТРАНИЧКИ ИСТОРИИ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАБАВЫ

О ДВУХ ЛИТЕРАТУРНЫХ МИСТИФИКАЦИЯХ,
РАЗДЕЛЕННЫХ ПОЛУВЕКОМ

тому рассказ в газете напечатан быть не может». Можно представить, сколько веселья вызвал снисходительный редакторский отзыв у подлинного автора, обладавшего уже в ту пору всероссийской известностью.

Мистификация совсем другого рода «разыграна» была осенью 1909 года на страницах петербургского журнала «Аполлон». Во втором номере «Аполлона» напечатана была подборка стихов никому неведомой поэтессы Черубины де Габриак, производившая сенсацию. Как пишет Марина Цветаева в книге воспоминаний «Живое о живом», «началась эпоха Черу-

милией», единственная дочь, воспитанная в строгой католической семье, присылающая в редакцию «Аполлона» письма со стихами, переложенными «то листком маслины, то тамариска», с отказом от гонорара, но единственным условием: в «Аполлон» она никогда не придет, и никто из редакции не должен пытаться даже ее увидеть. Мистификация разоблачена была через три месяца — и это был, вспоминает Цветаева, «конец Черубины».

Судьба Черубины де Габриак, яркой кометой вспыхнувшей и сгоревшей на петербургском литературном небосклоне, вызвала многочислен-

ные и разноречивые толки. Многие считали М. Волошина не только организатором мистификации, но и автором стихов. Сам Волошин авторство отрицал решительно. М. Цветаева приводит слова его на этот счет: «Я бы очень хотел писать, как Черубина, но я так не умею». Что же касается склонности к мистификации, то она была, видимо, вообще присуща характеру Волошина. Цветаева вспоминает, что и ей он предлагал печатать свои стихи то под именем «семнадцатилетнего Петухова», то от лица неких «поэтических близнецов» — брата и сестры Крюковых. Надо сказать, что поэтесса относилась к волошинским мистификациям серьезно, более того — усматривала в них проявление стихийной творческой энергии: «Макс больше сделал, чем Черубины стихи, он создал живую Черубину, миф самой Черубины. Не мистификация, а мифотворчество, и не псевдоним, а великий аноним народа, мифы творящего».

Это истолкование, конечно, глубоко субъективно. Но ведь и в каждой — даже вполне «заурядной» — литературной мистификации отражаются личность писателя и его окружение, приметы времени и литературного быта. Так что многие забавные «розыгрыши» вполне заслуживают разговора всерьез.

Л. ВОГМАН,
председатель клуба библиофилов.
Липеая.